

Забава-Путятична.

I.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ да былъ царь.

Вскорѣ послѣ того, какъ царь женился, у него родился сынъ.

Конечно, царь и царица очень обрадовались.

По случаю рожденія царевича, царь собралъ къ себѣ гостей, и гости долго веселились, пируя въ царскомъ дворцѣ.

Царевича называли Иваномъ.

Вотъ окружилъ царь съ царицею Ивана-царевича цѣлой сворой нянюшекъ и мамушекъ, и стали онѣ царевича холить и растить.

Сталъ царевичъ подрастать.

И по мѣрѣ того, какъ онъ подрасталъ, онъ становился все красивѣе и красивѣе, все смышленнѣе и смышленнѣе.

На девятомъ году къ Ивану-царевичу царь приставилъ учителей, и сталъ Иванъ-царевичъ учиться.

И такъ хорошо онъ учился, что послѣ четырехъ лѣтъ ученія всѣхъ своихъ учителей въ познаніяхъ догналъ и иногда задавалъ имъ такіе вопросы, на которые учителя не знали, какъ и что царевичу отвѣчать.

Приставилъ тогда царь къ Ивану-царевичу мудрецовъ, философовъ и звѣздочетовъ, и въ три года царевичъ перенялъ и отъ нихъ ихъ науки.

Сталъ царевичъ умнымъ-разумнымъ.

А лицомъ сталъ такой красавецъ, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ описать.

Вотъ стали царь съ царицей подумывать о томъ, какъ бы имъ сына женить.

Стали они невѣсту ему присматривать.

Поѣхали они въ гости къ сосѣднимъ царямъ.

Многихъ царевенъ пересмотрѣли, но ни одной достойной по красотѣ и уму-разуму Ивана-царевича не нашли.

Призадумались царь съ царицей.

Вотъ однажды царь и говорить царицѣ:

— Надумалъ я по-иному сдѣлать, жена моя любимая. Не нашли мы Ивану-царевичу подходящей невѣсты среди царскихъ дочерей, такъ поищемъ невѣсту среди простыхъ людей. Лишь бы дѣвушка хороша да умна была, а будетъ ли она царская, или боярская, или купеческая, или крестьянская дочь,—это все равно.

Согласилась съ этимъ царица.

Вотъ призвалъ къ себѣ царь своихъ слугъ и велѣлъ имъ скакать во все стороны, заѣзжать во все города и села, во все деревни.

И велѣлъ онъ тѣмъ слугамъ всюду говорить, что царь сына женить хочетъ и требуетъ всеѣмъ дѣвицамъ, отъ шестнадцати до восемнадцати лѣтъ, во дворецъ на смотрины явиться.

Поскакали слуги по всеѣмъ городамъ, по всеѣмъ селамъ и деревнямъ и стали тамъ говорить:

— Гей вы, бояре и купцы, мѣщане и крестьяне! Хочетъ царь своего сына женить, хочетъ ему подъ пару невѣсту найти. Собирайтесь все, у кого дочь невѣста есть, не моложе шестнадцати лѣтъ, не старше восемнадцати лѣтъ. Везите тѣхъ дочерей-невѣстъ къ царю, чтобы было ему изъ кого выбирать.

И потянулись ко дворцу все, кому надлежитъ, съ дочерями-невѣстами.

II.

Жилъ да былъ въ томъ же царствѣ богатый купецъ. Звали того купца Путятой.

Была у Путяты дочь.

Съ самаго начала дѣвочка такая забавная была, что отецъ съ матерью такъ ее Забавой и прозвали.

Стала расти Забава.

Стала подрастать и хорошѣть.

Да такой красавицей сдѣлалась, что иной такой по всему свѣту найти нельзя было.

Когда исполнилось Забавѣ тринадцать лѣтъ, мать ее вдругъ заболѣла.

Стала она все хирѣть и хирѣть.

Сталъ ее Путята лѣчить, да не помогло.

Помаялась-помаялась больная, да и отдала Богу душу.

Горько плакали Путята и Забава.

Да мертвую нельзя было назадъ вернуть.

Черезъ два года сталъ Путята вдовствомъ своимъ тяготиться.

Вотъ однажды пришелъ онъ домой, подозвалъ къ себѣ Забаву и говорить:

— Ну, дочурка моя милая, рѣшилъ я тебѣ новую маму дать. Люби ее и во всемъ ее слушайся, а она о тебѣ, какъ о своихъ дочеряхъ, заботиться будетъ.

Стала-было Забава отца отговаривать, да отецъ ее не послушалъ.

Женился онъ на вдовѣ и привезъ ее въ домъ.

У той вдовы двѣ дочери были, одна на годъ, а другая на два постарше Забавы.

Хоть и красивы были мачехины дочки, да Забава въ сто разъ красивѣе ихъ была.

Какъ увидѣла мачеха падчерицу, такъ сразу возненавидѣла ее.

Да и дочери ея возненавидѣли Забаву.

Сначала мачеха и виду не показала, что ненавидитъ Забаву, и даже приласкала ее.

Только въ душѣ злобу затаила.

Мѣсяца черезъ четыре послѣ свадьбы Путята захворалъ.

И почувствовалъ онъ тутъ, что ему конецъ придеть.

Призвалъ онъ къ себѣ Забаву и говорить:

— Чувствую я, дочѣ моя ненаглядная, что приходитъ мой конецъ. Когда умру я, сходи къ старому клену, что въ нашемъ саду стоитъ. Кошни ты съ восточной стороны корня клена и откопаешь ящичекъ. А въ ящикѣ томъ дудочка лежитъ. Ту дудочку мнѣ въ день твоего рожденія старушка Божія дала и приказала мнѣ ее, умирая, тебѣ отдать. А что это за дудочка, я и самъ не вѣдаю.

Благословилъ тутъ Путята дочъ свою, да и отдалъ Богу душу.

Похоронила мачеха мужа, его богатство къ себѣ забрала и тутъ волю своей злости дала.

Нарядила она Забаву въ самое старое платье, всѣ ея наряды отняла и заставила ее самую черную работу дѣлать.

А мачехины дочки стали Забавой всячески помыкать, стали надъ ней смѣяться и издѣваться.

И стало Забавѣ житѣе очень плохое.

Наконецъ, мачеха до того дошла, что даже взглянуть на падчерицу не могла.

Только тогда и было хорошо Забавѣ, когда мачеха съ дочерями гулять или въ гости уходила.

Съ собою Забаву мачеха никуда не брала.

Вотъ однажды вспомнила Забава слова отца.

Пошла она въ садъ, нашла старый клень и стала рыть землю съ восточной стороны корня и отрыла ящичекъ.

Открыла Забава ящичекъ, вынула оттуда дудочку.

Вертитъ ее въ рукахъ и улыбается.

Дудочка совсѣмъ простая.

— Что же я съ тобою, моя дудочка, дѣлать буду?

Вдругъ, слышитъ, дудочка ей человѣческимъ голосомъ отвѣчаетъ нараспѣвъ:

„Коль случится что съ тобой,
Разговаривай со мной.
Ты меня съ собой носи,
Коль что нужно—попроси.
Я и горю помогу,
И совѣтомъ подсоблю“.

Диву далась Забава.

Обрадовалась она дивной находкѣ, запрятала ее къ себѣ на грудь и вернулась въ домъ.

III.

Узнала мачеха, что царь приказалъ черезъ три дня всѣмъ невѣстамъ къ нему собираться, и еще больше обозлилась.

Вѣдь, вмѣстѣ съ ея дочками къ царю на смотрины она должна была везти и Забаву.

А послушаться царскаго приказа она боялась, да и не позволили бы ей этого.

Мачеха надѣялась за царевича одну изъ своихъ дочерей отдать, но она понимала, что если царь и царевичъ увидятъ Забаву, то больше ни на кого глядѣть не будутъ.

Задумалась мачеха.

И рѣшила она, наконецъ, падчерицу работой извести. Подозвала она къ себѣ Забаву и говоритъ:

— Какъ будемъ мы ложиться спать, поди въ амбаръ. Я сегодня не разобрала въ темнотѣ, да по ошибкѣ въ тотъ закомъ, въ которомъ двадцать мѣръ ржи было,—пятнадцать мѣръ маку всыпала. Надо макъ отдѣлить.

Сказала это мачеха и ушла.

Вотъ пришелъ вечеръ, стали всѣ послѣ ужина спать ложиться, а Забавѣ мачеха дала кусокъ чернаго хлѣба, ломтикъ сала, зажженный фонарь и послала въ амбаръ.

Пришла Забава въ амбаръ, сѣла на чурбанъ и заплакала.

Какъ могла она эту работу выполнить, когда ей и въ недѣлю не по силамъ было ее сдѣлать?

Вдругъ вспомнила Забава про свою дудочку.

Достала она ее и стала спрашивать:

— Дудочка, дудочка, помоги ты моему горю! Что мнѣ дѣлать? Велѣла мнѣ мачеха пятнадцать мѣръ мака, по зернышку, изъ двадцати мѣръ ржи отобрать.

А дудочка отвѣчаетъ:

„Ты, Забава, не робѣй,
Будь весела и храбрѣй.
Сюда мышка прибѣжитъ,
Чтобы сальца попросить.“

Ты же сала не жалѣй,
Ей его отдай скорѣй.
Горе мышкѣ разскажи,
Ея помощи проси“.

Только-что кончила пѣть дудочка, Забава глядитъ—
мышка бѣжитъ.

Подбѣжала мышка къ дѣвушкѣ и стала ее просить:

— Дѣвушка, а, дѣвушка, дай кусочекъ сала.

— Возьми,—отвѣтила Забава.

Поѣла мышка сала и говоритъ:

— Ну, добрая ты дѣвушка. Что это у тебя глаза заплаканы? Говори, можетъ быть, я твоему горю и помогу.

Разказала тутъ мышкѣ Забава о своемъ горѣ и стала мышку просить, чтобы та ей какъ-нибудь помогла.

А мышка и отвѣчаетъ:

— Ну, Забавушка, не горюй. Пользай на сѣноваль и спи спокойно.

Поблагодарила дѣвушка мышку и пошла спать на сѣноваль.

А мышка побѣжала по подпольямъ, собрала всѣхъ мышей и привела ихъ въ амбаръ.

Принялись мышки ржаныя зерна отъ маковыхъ отдѣлять, и еще разсвѣтъ не наступилъ, какъ вся работа окончена была.

Проснулась съ зорькой Забава, пришла въ амбаръ, а тамъ вся работа уже готова.

Вотъ встала утромъ мачеха, прибѣжала въ амбаръ и плетку принесла, чтобы до смерти падчерицу за неисполненную работу избить.

Вошла, да такъ и остолбенѣла.

Глядитъ—глазамъ не вѣрить.

Обозлилась мачеха еще пуще прежняго.

Никакъ не могла она понять, какъ падчерица такую работу въ одну ночь могла сдѣлать.

И говоритъ ей:

— Ну, хорошо. Теперь пойди, поѣшь хлѣба и ступай въ лѣсъ. Набери мнѣ къ вечеру двадцать пудовъ меду. А не наберешь—плохо будетъ.

Пошла въ домъ Забава, взяла кусокъ хлѣба и сахару крошечный кусочекъ, пошла въ лѣсъ и заплакала.

Да снова вспомнила дудочку.

Вынула она ее и стала спрашивать:

— Дудочка, дудочка, научи меня, какъ быть?

А дудочка и отвѣчаетъ:

Ты, Забава, не робѣй,
Весела будь и храбрѣй.
Сюда пчелка прилетитъ,
Будетъ сахару просить.
Ты его не пожалѣй.

Ей отдай его скорѣй.
Горе пчелкѣ разскажи,
Ея помощи проси“.

Только замолкла дудочка, Забава глядитъ—пчелка летитъ.

Подлетѣла пчелка къ дѣвушкѣ и стала просить:

— Дѣвушка, а, дѣвушка, угости меня сахаркомъ.

Дала Забава пчелкѣ свой кусочекъ сахару.

Поѣла сахару пчелка и говоритъ:

— Добрая ты дѣвушка. А почему у тебя глаза заплаканы? Говори-ка о своемъ горѣ, можетъ быть, я тебѣ помогу.

Разсказала Забава пчелкѣ о приказаніи мачехи.

Выслушала пчелка дѣвушку и говоритъ:

— Ну, не тужи. Играй себѣ на лугу, къ вечеру все будетъ готово.

Послушалась Забава и стала играть.

А пчелка полетѣла по лѣсу, собрала всѣхъ пчелъ и велѣла имъ въ мачехинъ сарай, гдѣ пустыя бочки стояли, двадцать пудовъ меду принести.

Еще до заката часа три осталось, а работа уже сдѣлана была.

Возвратилась домой Забава, заглянула въ сарай, а тамъ бочки уже медомъ полны.

Вышла изъ дому мачеха, пришла въ сарай.

Хотѣла падчерицу за несдѣланную работу до смерти забить, да только ахнула.

Видитъ—полны бочки меду.

Заскрипѣла отъ злости зубами мачеха.

Не посмѣла она безъ вины падчерицу бить.

Ничего не сказала и ушла.

А на слѣдующій день призываетъ она снова Забаву и говоритъ:

— Вотъ мы ляжемъ сегодня спать, а ты садись ткать. Чтобы къ утру ты соткала сестрамъ два такихъ одинаковыхъ платя, въ которыхъ можно было бы завтра къ царю на смотрины ѣхать. А не соткешъ—запорю на смерть.

Сказала это мачеха, дала падчерицѣ тонкаго-претонкаго шелка и поставила въ пустой комнатѣ ткацкій станокъ.

Вышла на дворъ Забава и заплакала.

Да снова вспомнила про дудочку.

Достала она свою дудочку и стала ее спрашивать:

— Дудочка, дудочка, что мнѣ дѣлать? Какъ мнѣ горю моему помочь?

А дудочка и поетъ въ отвѣтъ:

„Ты, Забава, не робѣй,
Весела будь и храбрѣй.
Паучекъ въ углу сидитъ,
Будетъ онъ тебя просить,
Ему мушекъ наловить.
Ему мушекъ налови,
Въ паутинку наложи.
Ему горе расскажи,
Его помощи проси.“

Наступилъ вечеръ.

Заперлась Забава въ комнатѣ.

Вдругъ видитъ—въ углу паукъ сидитъ.

Сталь ее паучекъ просить:

— Дѣвушка, а, дѣвушка, полови мнѣ мушекъ. Старъ я уже сталъ, не могу самъ ловить.

Наловила Забава сонныхъ мухъ, положила ихъ въ паутину около паука.

Поѣлъ досыта паукъ и говорить:

— Хорошая ты дѣвушка. Не проси меня, я и самъ слышалъ, что тебѣ мачеха приказывала. Ложись спать, не тужи.

Послушалась Забава.

Легла она спать.

А паукъ созвалъ множество пауковъ, и принялись пауки за работу.

Проснулась Забава, глядитъ—два платья одинаковыя, роскошныя лежатъ, а кромѣ того, третье, да такое роскошное, что въ десять разъ первыхъ двухъ роскошнѣе.

Удивилась Забава.

Достала она дудочку и стала спрашивать, что ей съ третьимъ платьемъ дѣлать и для кого оно соткано.

А дудочка и поетъ ей въ отвѣтъ:

„Платье ты скорѣ возьми
И себѣ побереги.
Ты скорѣ спрячь его,
Да какъ можно далеко“.

Послушалась Забава и спрятала свое платье въ коробку, а коробку на чердакъ унесла.

Проснулась мачеха, пришла и чуть не умерла со злости. Впрочемъ, платья ей очень понравились.

Стала она думать, какъ ей съ падчерицей быть.

Главное было то, что Забава на улицѣ ужъ была и люди ее видѣли.

Хотѣла было ее мачеха убить, даже на это было пошла, да не рѣшилась на это: другіе ее выдали бы.

Вотъ, думала-думала мачеха, да и надумала.

Подозвала она ее къ себѣ и говорить:

— Ну, Забава, у насъ есть только одинъ экипажъ, чтобы къ царю ѣхать. А въ этомъ экипажѣ только трое могутъ уѣсться. Иди ты къ царю пѣшкомъ, а мы поѣдемъ.

Оставила она Забавѣ самое драное и старое платье, не оставила даже мыла и полотенца и уѣхала во дворецъ съ дочерями, приказавъ Забавѣ идти въ городъ, въ царскій дворецъ пѣшкомъ.

А сама и думаетъ:

— Либо Забава опоздаетъ, тогда я отговорюсь тѣмъ, что ей мѣста въ экипажѣ не хватало, а если во дворецъ и придетъ такая замарашка, немытая и нечесанная, вся въ заплатахъ, то царь не нее, пожалуй, и не взглянетъ.

Вотъ уѣхала мачеха во дворецъ со своими дочерями, а Забава дома осталась.

Достала она свою милую дудочку и спрашиваетъ:

— Дудочка, дудочка, скажи мнѣ, какъ быть, что мнѣ съ платьемъ моимъ дѣлать?

А дудочка ей и поетъ:

„Ты, Забава, не робѣй,
Веселѣй будь и храбрѣй.
Свое платье надѣвай,
Во дворецъ ты поѣжай“.

Послушала дудочку Забава.

Сбѣгала она на чердакъ.

Достала она тамъ свой коробъ, вынула изъ него платье, одѣла его на себя.

А платье на ней, какъ на куклѣ, сидитъ.

И безъ того-то хороша была Забава, а тутъ такой красивой стала, что и сказать нельзя.

Надѣла она платье, глядитъ—мышка бѣжитъ:

— Вотъ, Забава, я тебѣ туфельки принесла,—говоритъ мышка.

Поблагодарила Забава мышку.

Убѣжала мышка, а туфельки оставила.

Надѣла Забава туфельки, а туфельки-то тѣ всѣ золотомъ шиты, камнями драгоцѣнными унизаны.

Только туфельки надѣла, а къ ней пчелка летитъ.

Прилетѣла она къ Забавѣ и говоритъ:

— Ну, Забава, торопись, царь уже смотрѣ съ царевичемъ началъ. Садись на меня, я тебя мигомъ доставлю.

Тутъ пчелка стала все расти и расти и сдѣлалась огромной-преогромной.

Сѣла Забава на спину пчелы.

Взвилась пчела на воздухъ, да такъ шибко по воздуху полетѣла, что черезъ полчаса къ царскому дворцу прилетѣла.

Поблагодарила Забава пчелку и во дворецъ пошла.

Стража видѣла, какъ она на огромной пчелѣ прилетѣла, и приняла ее за добрую фею и поэтому ее съ поклономъ пропустила.

IV.

Въ это время во дворецѣ смотрины шли.

Какъ и приказалъ царь, собрались во дворецъ невѣсты со всего царства.

И сталъ царь съ Иваномъ-царевичемъ тѣхъ невѣстъ обходить и глядѣть, кто изъ нихъ краше.

Одна царевичу понравится, онъ, глядь, дальше пойдеть—еще лучше найдетъ.

Дошелъ царь съ царевичемъ до мачехиныхъ дочерей. Больше прежнихъ дѣвушекъ понравилась ему мачехина старшая дочь.

Обрадовалась мачеха.

А Забава, тѣмъ временемъ, во дворецъ вошла и въ самомъ концѣ ряда невѣстъ стала.

Царь съ царевичемъ дальше пошли.

Но сколько они не шли, а царевичу ни одна не нравилась.

Такъ до конца ряда они и дошли.

Только дошли они, наконецъ, до конца ряда.

И какъ увидѣлъ царевичъ Забаву, такъ разомъ въ нее и влюбился, а всѣхъ прежнихъ дѣвушекъ и мачехину дочку позабылъ.

Взялъ онъ тутъ Забаву и спрашиваетъ:

— Какъ зовутъ тебя, красавица?

А Забава и отвѣчаетъ:

— Зовутъ меня Забавой, по отчеству Путятичной.

Заговорилъ съ ней царь.

И увидѣлъ онъ тутъ, что умнѣе ея нѣтъ дѣвушекъ.

Взялъ ее тогда царевичъ за бѣлыя руки, вывелъ впередъ и сказалъ:

— Вотъ моя невѣста милая.

Какъ увидала мачеха свою падчерицу, такъ чуть мертвая не упала, до того она на нее обозлилась.

А царевичъ и говорить:

— Лучше, краше и умнѣе я на всемъ свѣтѣ никого не видалъ. Вотъ, гости милые, пріѣзжайте черезъ три дня на честной пиръ свадебный.

Подошла тутъ къ царевичу мачеха.

И заговорила она собственнымъ голосомъ:

— Осчастливилъ ты нашу семью, царевичъ. Видишь, хоть я и мачеха, а падчерицу лучше своихъ дочерей нарядила, краше своихъ дочерей вырастила. Хочу я и до конца такой быть. Пусть падчерица эти три дня у меня побудетъ, я ей все нужное сдѣлаю.

Согласился царевичъ.

Отпустилъ онъ свою невѣсту съ ея мачехой, а самъ, съ царемъ-отцемъ, сталъ къ свадьбѣ готовиться.

А мачеха злую думу затаила.

Ужъ никакъ она не могла стерпѣть того, что царевичъ ее падчерицу себѣ въ невѣсты избралъ.

Какъ ни крѣпилась она, а не вытерпѣла.

И рѣшила она Забаву погубить.

Вотъ пріѣхала она съ дочерьми и падчерицей домой.

Да такая ласковая съ падчерицей стала.

Накормила она ее самыми лучшими блюдами, напоила медами сладкими и уложила спать на перинахъ.

Какъ заснула Забава, такъ мачеха пошла на кухню и стала точить ножъ.

Остро-остро наточила.

А Забава спитъ, ничего не чувствуетъ.

Вотъ наточила мачеха ножъ острый булатный, подкралась къ спящей Забавѣ и зарѣзала ее.

Потомъ позвала она слугъ своихъ и говорить имъ:

— Возьмите ее, слуги мои вѣрные, отнесите ее за тридевять земель, въ тридесятое царство и бросьте ее тамъ въ колодець глубокій. Пусть она тамъ пропадетъ, не будетъ она моимъ дочкамъ мѣшать.

Взяли Забаву слуги мачехины.

И унесли ее въ тридевятое царство, въ тридесятое государство и бросили ее тамъ въ колодець.

Успокоилась мачеха.

V.

Разъѣхались невѣсты изъ царева дворца.

Хотѣлъ было царевичъ тоже изъ зала уйти, вдругъ видить—дудочка на полу валяется.

У царевича все золотыя и серебряныя дудочки были, а эта была совсѣмъ простая.

Улыбнулся царевичъ и положилъ ее въ карманъ.

Не зналъ онъ, что это за дудочка.

А эту дудочку Забава Путятична, уѣзжая, потеряла.

Вотъ прошло три дня.

Ждалъ-ждалъ царевичъ свою невѣсту, а ее все нѣтъ.
Сталъ онъ безпокоиться.

Да и царь не мало встревожился.

Вдругъ прїѣзжаетъ во дворецъ мачеха.

Глаза заплаканы, вся на видъ разстроенная.

Пришла она къ царю, упала къ нему въ ноги, да и говоритъ:

— Охъ, царь-государь, случилось съ моей ненаглядной падчерицей что-то неладное. Ушла она сегодня раненько по-утру въ лѣсъ по-ягоды, да до сихъ поръ и не вернулась. Съѣли, навѣрно, ее звѣри лютые или заблудилась она въ лѣсу темномъ.

Не взвидѣлъ тутъ свѣта царевичъ.

А царь разослалъ своихъ людей по всему лѣсу Забаву искать.

Да сколько слуги ее ни искали, такъ и не нашли.

Вернулись черезъ три дня слуги назадъ, съ пустыми руками.

Затосковалъ царевичъ.

Вотъ какъ-то сидѣлъ онъ въ своей комнатѣ.

Попалась ему на глаза дудочка и напомнила ему тотъ день, когда онъ видѣлъ Забаву Путятичну.

Да и говоритъ царевичъ:

— Эхъ, дудочка, зачѣмъ я тебя нашель?

Вдругъ слышитъ, а дудочка человѣческимъ голосомъ поетъ:

„Меня, царевичъ, сохрани,
При себѣ всегда держи.
Коль что нужно—пособлю
И по совѣсти скажу“.

Удивился царевичъ.

И сталъ онъ дудочку спрашивать, жива ли, здорова ли Забава Путятична и можно ли ее найти.

„Мертва, мертва Забавушка,
Но ты ее спасешь.
Иди по лѣсу темному,
Иди по лугу-степи ты,
Дойдешь ты до избушечки,
Яга-баба живетъ.“

Яга все знаетъ, вѣдаетъ,
Да только какъ войдешь ты къ ней,
Гляди—перекрестись“.

Обрадовался Иванъ-царевичъ, услыхавъ эти слова,
Пришелъ онъ къ отцу и сталъ проситься у него,
чтобы онъ отпустилъ его поѣхать Забаву Путятичну
искать.

Отпустилъ сына царь, велѣлъ ему взять лучшаго коня,
латы и мечъ, крѣпкій щитъ, да тугой лукъ со стрѣлами.

Собрался царевичъ въ дорогу и сталъ снова дудочку
спрашивать, что ему дѣлать.

А дудочка и поетъ въ отвѣтъ:

„Въ оружейный залъ войдя,
Мечъ каленый тамъ возьми,
Что повыше всѣхъ виситъ.
Его будешь ты носить.
Ты Ягу сперва спроси,
Про Забаву разспроси,
А потомъ ты мечъ возьми
И ей голову снеси“.

Пошелъ царевичъ въ оружейный залъ, взялъ кова-
ный мечъ, про который ему дудочка говорила, опоясался
имъ, взялъ въ вьюкъ съ собой ѣды и поѣхалъ въ путь-
дороженьку.

Долго-долго ѣхалъ Иванъ-царевичъ лѣсомъ темнымъ,
потомъ поѣхалъ лугомъ широкимъ.

Нѣсколько царствъ проѣхалъ онъ и снова вѣѣхалъ
въ дремучій лѣсъ.

Вѣѣхалъ онъ въ дремучій лѣсъ, недѣлю цѣлую имъ
ѣхалъ и пріѣхалъ, наконецъ, къ избушкѣ.

Вошелъ Иванъ-царевичъ въ избу, перекрестился.

Глядитъ—баба-яга въ избѣ лежитъ.

Носъ до потолка, сама страшная-престрашная.

— Фу-фу-фу! Что это русскимъ духомъ пахнетъ?—за-
кричала баба-яга.—Кого это ко мнѣ на жаркое принесло?

Увидала баба-яга, что царевичъ перекрестился, и ра-
зозлилась.

Да какъ закричить на царевича:

— Уходи скорѣе изъ моей избы, тутъ сроду никто
не крестился!

А царевичъ отвѣчаетъ:

— Скажи, гдѣ Забава Путятична лежитъ и какъ ее оживить можно, тогда уйду. А не скажешь — крестить тебя буду.

Испугалась баба-яга и говоритъ:

— Вотъ, свалился ты на мою голову! Лежитъ твоя Забава Путятична за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ. А оживить ее можно только живой водой. А живую воду Змѣй-Горынычъ стережетъ. Сумѣй его убить, тогда и живую воду добудешь. А теперь проваливай по-доброу, по-здорову, а не уйдешь—плохо будетъ.

Выхватилъ Иванъ-царевичъ свой острый мечъ, да какъ рубанетъ имъ бабу-ягу по шеѣ, такъ голова ея по полу и покатилаcь.

Вымылъ Иванъ-царевичъ мечъ, сѣлъ на своего борзого коня и поѣхалъ дальше.

Ѣхалъ онъ, Ѣхалъ, нѣсколько царствъ проѢхалъ, пока, наконецъ, конь изъ силы не выбился.

Оставилъ Иванъ-царевичъ коня на лугу пастись, а самъ дальше пѣшкомъ пошелъ.

Идетъ-идетъ, а самъ про Забаву Путятичну думаетъ.

Сталъ онъ все ближе и ближе къ жилищу Змѣя-Горыныча подходить.

VI.

По ночамъ царевичъ на травѣ спалъ, а дни въ пути проводилъ.

Вотъ однажды онъ вышелъ изъ лѣсу и очутился передъ жилищемъ Змѣя-Горыныча.

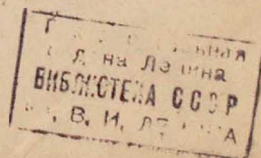
А Змѣй-Горынычъ въ это время у себя въ пещерѣ былъ.

Вдругъ зачуялъ онъ Ивана-царевича.

И вылѣзъ.

Испугался Иванъ-царевичъ.

Былъ Змѣй-Горынычъ длиною въ сто сажень, толщиною въ хорошую избу, а пасть была такая, что могъ онъ разомъ быка проглотить.

Глаза кровью налились, изъ ноздрей дымъ валить.
Вылѣзъ Змѣй-Горынычъ изъ пещеры, да какъ крикнетъ:

— Откуда это русскимъ духомъ запахло? Кого это мнѣ на завтракъ принесло? Давненько я русскими людьми не закусывалъ.

Испугался Иванъ-царевичъ.

Спрятался онъ въ лѣсъ, вынулъ дудочку и сталъ ее спрашивать, какъ ему быть.

А дудочка въ отвѣтъ:

„Ты, царевичъ, не робѣй,
Будь смекалистѣй, храбрѣй.
Въ руку мечъ ты свой возьми
И впередъ съ нимъ выходи,
Мечъ твой острый—не простой,
Наговоръ на немъ святой.
Шею змѣю ты руби,
А подъ змѣемъ ключъ ищи.
Есть у змѣя въ норѣ прудъ.
Въ немъ живой воды въ сосудъ
Ты скорѣ почерпнешь,
И къ Забавѣ съ ней пойдешь“.

Выслушалъ Иванъ-царевичъ дудочку.

Потомъ выхватилъ свой мечъ и выскочилъ на поляну.
Увидалъ его Змѣй-Горынычъ, разсвирѣпѣлъ, зашипѣлъ и бросился на него.

Открылъ онъ пасть и хотѣлъ было Ивана-царевича живьемъ проглотить, да Иванъ-царевичъ во-время въ сторону отскочилъ.

Взмахнулъ тутъ царевичъ своимъ острымъ мечомъ и ударилъ имъ со всего размаха змѣя по шеѣ.

Змѣй-Горынычъ весь крѣпкой чешуей былъ покрытъ, только шея голая была.

Однимъ ударомъ Иванъ-царевичъ змѣю голову отрубилъ.

Потомъ сталъ его на куски рубить.

Разрубилъ его, осмотрѣлъ куски и въ одной изъ лапъ ключъ нашель.

Взялъ онъ этотъ ключъ и вошелъ въ пещеру Змѣя-Горыныча.

А пещера была огромная-преогромная.

Нашелъ царевичъ въ ней много серебра, золота и драгоценныхъ камней.

Нашелъ и коверъ-самолетъ.

Въ концѣ пещеры дверь золотая была.

Открылъ ее Иванъ-царевичъ найденнымъ ключемъ и вошелъ въ огромный подземный гротъ.

А посреди того грота озеро было.

А въ озерѣ томъ живая вода была.

Взялъ Иванъ-царевичъ сосудъ, зачерпнулъ имъ живой воды и вышелъ изъ пещеры, захвативъ съ собою коверъ-самолетъ.

Сѣлъ онъ на коверъ-самолетъ, взялъ съ собою сосудъ съ водой и приказалъ коверу-самолету нести его къ тому мѣсту, гдѣ Забава Путятична лежитъ.

Три минуты не прошло, какъ онъ уже до мѣста долетѣлъ.

Видитъ—лежитъ Забава Путятична на травѣ зеленой, сама блѣдная-преблѣдная.

Подошелъ къ ней Иванъ-царевичъ.

Брызнулъ онъ на Забаву Путятичну живой водой одинъ разъ.

Порозовѣли щечки Забавы Путятичны.

Брызнулъ на нее Иванъ-царевичъ другой разъ.

Вздыхнула грудь красавицы.

Брызнулъ на нее Иванъ-царевичъ въ третій разъ.

Открыла свои очи прекрасная Забава Путятична, улыбнулась и встала.

Встала и говоритъ:

— Охъ, какъ я крѣпко спала.

Взялъ ее тутъ за бѣлыя руки Иванъ-царевичъ, разсказалъ ей, какъ ее искалъ, и сталъ ее спрашивать, какъ она сюда попала.

Вспомнила тутъ все Забава Путятична.

Разсказала она, какъ къ ней во время сна мачеха подошла, какъ ее зарѣзала и какъ она передъ смертью глаза открыла и мачеху увидала.

Понялъ тутъ все Иванъ-царевичъ и поклялся онъ клятвой крѣпкой мачехѣ и ея дочерямъ отомстить.

Взялъ онъ за руки Забаву Путятичну, посадилъ на коверъ и велѣлъ коври-самолету къ пещерѣ Змѣя-Горыныча летѣть.

Тутъ забралъ онъ все сокровища Змѣя-Горыныча, нагрузилъ ихъ на коверъ, сѣлъ на него самъ съ Забавой Путятичной и полетѣлъ въ свое царство.

Царь съ царицей сильно по сынѣ стосковались.

Уже годъ цѣлый, какъ они отъ него вѣсточки не имѣли.

Стали они думать, что погибъ ихъ милый сынъ отъ звѣрей лютыхъ или отъ разбойниковъ.

Стали они по цѣлымъ днямъ плакать.

Зато какъ же они обрадовались, когда однажды увидали Ивана-царевича, да еще съ Забавой Путятичной.

Подошелъ Иванъ-царевичъ къ отцу и матери, обнялъ крѣпко ихъ.

И стало во дворцѣ весело и радостно.

Разказалъ Иванъ-царевичъ обо всемъ отцу и матери.

Тотчасъ же послалъ царь людей своихъ звать гостей на свадьбу сына.

А потомъ послалъ стражу за злой мачехой и ея дочерьми.

Привела стража во дворецъ злую мачеху и ея дочерей и ввела ихъ въ ту комнату, гдѣ царь съ царицей и Иванъ-царевичъ съ Забавой Путятичной сидѣли.

Какъ увидала злая мачеха свою падчерицу, такъ вся, словно листъ осиновый, задрожала.

А дочери ея, какъ полотно, побѣлѣли.

Во всемъ созналась злая мачеха.

Тутъ приказалъ царь ихъ всехъ въ кандалы заковать и въ темницу бросить.

Но Забава Путятична стала царя просить, чтобы онъ имъ вину простилъ и на свободу отпустилъ.

Не могъ царь Забавѣ Путятичнѣ въ ея просьбѣ отказать.

Приказалъ онъ мачеху съ ея дочерьми освободить и на волю отпустить.

Заплакали тутъ мачеха и ея дочери, растаяли ихъ сердца, и стали онѣ Забаву со слезами благодарить.

Обняла ихъ Забава Путятична и говоритъ:

— Ну, матушка и сестрицы, забудемъ про старое. Давайте въ любви жить.

Заплакали отъ радости мачеха и ея дочери.

Одарила ихъ тутъ щедро Забава Путятична и поселила ихъ во дворцѣ.

Черезъ три дня гости съѣхались.

Подали ко дворцу кареты расписныя.

И поѣхали Иванъ-царевичъ съ Забавой Путятичной, дружками и гостями подъ вѣнецъ.

А тѣмъ временемъ слуги царскіе въ залахъ широкихъ столы дубовые поставили, скатертями бранными ихъ покрыли.

Принесли медовъ и винъ разныхъ дорогихъ, наставили золотыхъ и серебряныхъ блюдь съ разными кушаньями вкусными.

Пріѣхали съ вѣнца молодые, и начался пиръ.

На пиру и мачеха съ дочерью была.

Три дня и три ночи длился пиръ.

Много веселились гости.

На томъ пиру и я былъ.

Медъ, вино пилъ, по усамъ текло, только въ ротъ не попало.

Да хоть въ ротъ и не попало, а все весело было.
